

I.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ ОБУЧЕНІИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Славная въ нашей военной исторіи эпоха войнъ екатерининскаго и александровскаго времени объясняется по преимуществу многочисленностію талантливыхъ и даже геніальныхъ военныхъ дѣятелей, стоявшихъ въ то время во главѣ нашихъ войскъ. Цѣлая вереница замѣчательныхъ генераловъ екатерининскаго вѣка, между которыми ярко выступаютъ Румянцевъ и Суворовъ, огромная плеяда сподвижниковъ Александра I, ниспровергшая славу Наполеона и его маршаловъ, способствовали зарожденію и упроченію такого взгляда, справедливаго лишь до нѣкоторой степени. Всѣ эти замѣчательные дѣятели не могли же явиться экспромтомъ; должны же были быть какія-либо особенныя обстоятельства, которыя содѣйствовали ихъ возвышенію, подготовили ту почву, на которой они явились; короче сказать, надо предпологать, что самыя военныя учрежденія прошлаго вѣка имѣли также свою, и немаловажную, долю участія въ дѣлѣ образованія и возвышенія знаменитыхъ личностей, равно и въ блистательныхъ успѣхахъ нашихъ армій.

Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ чрезвычайно трудно-разрѣшимъ, такъ какъ внутренняя жизнь нашей арміи за прошлое столѣтіе и вообще всѣ ея учрежденія очень мало, вѣрнѣе говоря, почти вовсе не разработаны. Имѣются лишь самыя скудныя указанія по этому предмету. Не подлежитъ сомнѣнію, что на обиліе даровитыхъ личностей, выдвинувшихся во главѣ армій, имѣли первостепенное

вліяніе тѣ, сохранившіяся до временъ Екатерины II, закоположенія Петра Великаго, по которымъ все наше дворянство безъ исключенія было призываемо въ ряды арміи. Обязательность пожизненной, а потомъ даже и срочной, службы дворянства въ рядахъ арміи должна была оказывать громадное вліяніе на состояніе войскъ; для большинства дворянства военная служба была не переходнымъ положеніемъ, а прочнымъ, постояннымъ поприщемъ, прохожденію котораго посвящались лучшіе годы жизни, лучшія силы. Служащіе, начиная свою карьеру съ нижняго чина, коротко узнавали всѣ служебныя требованія, всѣ нужды солдата, ввеливъ посвящали себя службѣ, полагали, такъ сказать, въ нее всю свою душу. Естественно, что изъ ихъ среды скорѣе могли выдѣляться личности, болѣе способныя къ управленію и вожденію арміи. Къ этому надо прибавить, что самое повышеніе въ чины, основанное на выборномъ началѣ, служило немаловажнымъ залогомъ того, что дѣйствительно только достойные и способные люди будутъ повышаемы. Многія мѣры были установлены исключительно въ тѣхъ видахъ, чтобы отклонить отъ чинопроизводства всякій произволъ, вліяніе протекціи, облегчить по возможности прохожденіе чиновъ тѣмъ, кто служилъ дѣйствительно въ войскахъ, въ стрѣлу, и, напротивъ, затруднить оное лицамъ, уклонявшимся отъ строевой службы и искавшимъ спокойной службы при штабахъ и управленіяхъ. Болѣе быстрое повышеніе въ чинахъ для служащихъ въ гвардіи, особенно при переводахъ или при такъ называемыхъ выпускахъ въ армію, не могло возбуждать въ прошедшемъ столѣтіи нареканій, а, напротивъ, вполне соответствовало интересамъ службы, ибо гвардія была и немногочисленна (всего около 5000 человекъ), и къ тому же исключительно комплектовалась людьми лично извѣстными государю, и такими вообще, которые, за крайне рѣдкими развѣ исключеніями, были дѣйствительно передовыми людьми тогдашняго общества. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что въ царствованіе императрицы Екатерины II нижнимъ чинамъ гвардіи дозволялись откомандировки къ московскому университету, и что за успѣхи въ наукахъ, по университетскимъ аттестатамъ, давались перѣдко унтеръ-офицерскіе чины. Что же удивительнаго, если въ то время подобныя унтеръ-офицеры имѣли право быть выпускаемыми изъ гвардіи въ армію поручичими и даже капитанскими чинами?

Наконецъ, самое обученіе войскъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія отличалось нѣкоторыми особенностями, содѣйствовавшими чисто-боевому образованію войскъ и развитію военныхъ способностей

военнослужащихъ. Предметъ этотъ почти вовсе еще не затронутъ нашей военной литературой, и для полной разработки его, къ сожалѣнію, очень мало данныхъ. Архивныя дѣла и бумаги даже и не тронуты: не говоря о томъ, что предки наши вообще не любили многописанія, почему и оставили намъ лишь немного письменныхъ памятниковъ о своей дѣятельности, и то, что имѣлось, не было своевременно надлежащимъ образомъ разработано и сбережено, вслѣдствіе чего и погнбло безвозвратно въ архивахъ. Сохранились, конечно, разновременно издававшіеся строевые уставы; многіе изъ нихъ, въ особенности относящіеся къ царствованію императрицы Екатерины II, заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много совершенно вѣрныхъ идей объ обученіи войскъ; но, надо полагать, что по этимъ уставамъ нельзя составить себѣ полнаго понятія о томъ, какъ велось въ дѣйствительности обученіе войскъ и какія именно допускались уклоненія отъ уставныхъ нормъ. А въ этихъ-то уклоненіяхъ, или, вѣрнѣе говоря, въ примѣненіяхъ уставныхъ формъ къ дѣлу и заключается вся сущность обученія войскъ.

Нѣкоторыя сохранившіяся свѣдѣнія о томъ, какъ велось обученіе войскъ Суворовымъ, наиболѣе обратили на себя вниманіе и, какъ извѣстно, возбудили даже подражанія въ новѣйшее время. Но надо думать, что порядокъ обученія войскъ, принятый Суворовымъ, вовсе не былъ исключительнымъ, одиночнымъ явленіемъ въ нашихъ войскахъ; а, напротивъ, имѣлъ послѣдователей и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ развитію въ нашей арміи вѣрнаго взгляда на предметъ. Въ этомъ въ особенности убѣждаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, найденныя нами въ московскомъ отдѣлѣ архива главнаго штаба; обзоръ ихъ и посвящена настоящая статья. Свѣдѣнія эти отрывочныя; сохранились они въ архивѣ случайно, разбитыми по разнымъ связкамъ дѣлъ; тѣмъ не менѣе, по нимъ можно возстановить многое, а главное можно видѣть, что дѣйствительно дѣло обученія нашихъ войскъ стояло въ прошедшемъ столѣтіи на совершенно раціональныхъ основаніяхъ, которыя, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи, съ теченіемъ времени, были преданы забвенію.

Начало царствованія императрицы Екатерины II было ознаменовано нѣлымъ рядомъ коренныхъ нововведеній въ нашей арміи. Опытность пріобрѣтенная въ семилѣтнюю войну очевидно не осталась безъ послѣдствій и указала на многіе недостатки въ тогдашнемъ устройствѣ нашихъ войскъ, что и вызвало реорганизацію русской арміи и рядъ уставовъ и узаконеній, долженствовавшихъ установить новыя порядки въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ. Къ этому

времени относятся: новый пѣхотный строевой уставъ (1764 г.), инструкція полковничья пѣхотному полку (1764 г.), инструкція коннаго полка полковнику (1766 г.) и многія другія узаконенія, штаты и табели. Къ началу же царствованія Екатерины II принадлежит и распредѣленіе всѣхъ частей арміи на постоянныхъ (непремѣнныхъ) вивтерь-квартирахъ, а рядомъ съ этимъ выводъ полковъ на лѣтніе мѣсяцы въ кампаненты, т. е. въ лагерное расположеніе близъ того пункта, гдѣ они квартировали. Расписаніе войскъ по вивтерь-квартирамъ, выборъ мѣстъ для лагерей было въ значительной степени возложено на офицеровъ только что преобразованнаго тогда (въ 1763 г.) генеральнаго штаба; на этихъ же офицеровъ было возложено отъ военной коллегіи сочиненіе картъ квартирнаго расположенія войскъ, снятіе плановъ какъ лагерныхъ мѣстъ, такъ и тѣхъ маршрутовъ, по которымъ войска должны были слѣдовать на вивтерь-квартиры, а равно и всѣхъ тѣхъ дорогъ, по которымъ проходили сообщенія между штабами частей въ каждой дивизіи. Какъ слышала военная коллегія этимъ дѣломъ видно изъ того, что уже въ іюнѣ 1763 года состоялось высочайшее повѣленіе, чтобы по окончаніи кампанентовъ, со вступленіемъ 15-го августа войскъ на вивтерь-квартиры, всѣ чины генеральнаго штаба прибыли въ С.-Петербургъ и представили военной коллегіи сочиненные ими планы лагерей. Но повелѣніе это осталось неисполненнымъ: по штату полагалось въ генеральномъ штабѣ 40 офицеровъ, на лицо же ихъ было и того менѣе: они были заняты съемками маршрутовъ, составленіемъ квартирныхъ картъ, межевыми работами, почему выборъ лагерныхъ мѣстъ и самая разбивка лагерей возлагались на полковыхъ квартирмейстеровъ, которые не всегда умѣли чертить, почему и не могли представить плановъ лагерей. Къ тому же и самыя полки не знали какъ имъ располагаться лагеремъ; сохранились свѣдѣнія, что въ 1764 году полки с.-петербургской дивизіи обращались за указаніями по этому предмету въ военную коллегію, почему тогда же генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Ивашевъ предлагалъ образцовыя планы лагерей пѣхотнаго и кавалерійскаго полковъ, которые, будучи утверждены военною коллегіею, были разсланы во всѣ войска для образца.

Весьма естественно, что самое расположеніе войскъ на постоянныхъ квартирахъ, а въ особенности выводъ ихъ на лѣтніе мѣсяцы въ лагери, должны были имѣть существенное вліяніе на обученіе войскъ. Но весьма важно было бы знать, какъ именно войска проводили время въ кампанентахъ, чѣмъ они занимались, были ли имъ предписываемы какія-либо особенныя занятія и въ чемъ эти

занятія заключалась? По этому—то предмету имѣются лишь самыя отрывочныя, но тѣмъ не менѣе многозначительныя свѣдѣнія. Въ этому времени относятся тѣ особенности въ обученіи войскъ, которыя введены были Суворовымъ, тогда, еще въ чинѣ полковника, командовавшимъ съ 1763 года Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Надо прилагать, что около этого времени и установлено было, чтобы войска въ лагеряхъ обучались только тому, что имъ приходится исполнять на войнѣ, то есть, чтобы они были обучаемы на-время и эволюціямъ. Здѣсь не лишне обратить вниманіе на военную терминологию того времени, на смыслъ словъ эволюція и эзерциція. Эзерциціей принято было вообще называть ученіе, согласное вполнѣ съ уставами, причемъ не допускалось никакихъ отъ нихъ отступленій, такъ что, продѣлывая разнаго рода построенія, сохраняли въ строгости даже ту послѣдовательность, въ которой построенія были изложены въ уставѣ. Слово же эволюція имѣло одинаковое значеніе съ маневромъ: имъ означались уже видоизмѣненія уставныхъ формъ применительно къ мѣстности и къ разнымъ обстоятельствамъ, какия могли бы встрѣтиться въ действительномъ бою. Производстве эволюція вполнѣ зависѣло отъ находчивости и изобрѣтательности частныхъ начальниковъ; на этотъ предметъ не имѣлось никакихъ особыхъ инструкцій, почему эволюція и производилась, какъ увидимъ, въ самыхъ разнообразныхъ, даже до странности, формахъ.

Въ началу царствованія Екатерины II относится предписаніе войскамъ производить въ лагеряхъ эволюціи; но когда и въ какой формѣ дано было первоначально это предписаніе положительно неизвѣстно: въ архивѣ найдено нами дѣло 1775 года, «по опредѣленію военной коллегии о выведѣ состоящихъ внутри Россіи полковъ въ лагерь съ 15-го мая». Изъ дѣла видно, что предписано было вывести полки, стоявшіе внутри Россіи, *какъ и навсегда бывало*, въ лагерь съ 15-го мая по 15-е августа, причемъ коллегія предлагаетъ, чтобы въ оную были доставлены, тотчасъ по вступленіи въ лагерь, рапорты съ планами, гдѣ полки въ лагерь расположатся, а по окончаніи лагеря новые рапорты съ планами о томъ, какія произведены были во время лагеря эволюціи. Все заставляетъ предполагать, что подобное распоряженіе военной коллегии не было новостію въ русскихъ войскахъ, что и прежде отдавались подобныя же приказанія; но крайней мѣрѣ, изъ имѣющихся въ архивѣ бумагъ не видно, чтобы распоряженіе это вызвало какія-либо затрудненія со стороны войсковыхъ начальни-

ковъ; напротивъ, отъ разныхъ дивизій есть донесенія, что полки выведены въ лагерныя на тѣ мѣста, гдѣ они ежегодно стоятъ, и что все будетъ исполнено по предписаніямъ военной коллегіи.

Въ архивныхъ дѣлахъ нашелся даже планъ эволюцій, произведенныхъ въ 1770 году двумя драгунскими эскадронами, бывшими въ лагерьнѣ подѣ Троицкою крѣпостію (на оренбургской линіи), что и заставляетъ предполагать, что и ранѣе 1770 года войсками, выводимыми въ лагерьныя, производимы были эволюціи.

Въ чемъ же заключались самыя эволюціи, исполнявшіяся войсками во время лагернентовъ? Въ отвѣтъ на это, къ сожалѣнію, сохранилось въ архивныхъ дѣлахъ самыя отрывочныя указанія. Такъ, въ вышеупомянутомъ дѣлѣ военной коллегіи 1775 года есть планы расположенія лагернень и донесенія о произведенныхъ эволюціяхъ лишь отъ весьма немногихъ частей войскъ. Собственно планы лагернаго расположенія были получены отъ слѣдующихъ частей:

Вологодскаго и Костромскаго пѣхотныхъ полковъ и Казанскаго кирасирскаго, въ окрестностяхъ С.-Петербурга, Вятскаго пѣхотнаго полка, около Новоторѣда, и сборныхъ командъ изъ восьми ротъ, по двѣ отъ пѣхотныхъ полковъ, Нижегородскаго, Казанскаго, Смоленскаго и Суздальскаго, около Риги. Планъ лагеря сборныхъ командъ, по неимѣнію въ нихъ офицера знающаго «инженерство», сдѣланъ офицеромъ, командированнымъ для того изъ рижской инженерной команды. Прочіе планы лагернаго расположенія нигдѣ не подписаны, но, по всей вѣроятности, сдѣланы не офицерами генеральнаго штаба, имѣвшими въ то время множество стороннихъ занятій по съемкѣ и составленію картъ, а кѣмъ-либо изъ полковыхъ офицеровъ: въ нихъ видна рука неискускаго, но разумнаго чертеника, исполнявшаго планъ не по строгимъ правиламъ черченія, а какъ ему казалось сподручнѣе. Мѣстность и разные предметы обозначаются болѣе надписями, чѣмъ условными знаками; масштабъ на большей части плановъ очень великъ: напримѣръ, планъ лагеря Казанскаго кирасирскаго полка сдѣланъ въ масштабѣ 10 сажень въ дюймѣ, что позволяло нанести все расположеніе лагеря до малѣйшихъ подробностей. Въ самомъ расположеніи лагерей можно замѣтить только двѣ особенности, которыя нелишени своего рода значенія: во-первыхъ, передовыя караулы въ пѣхотныхъ полкахъ открыты небольшими флешами; во-вторыхъ, если гдѣ имѣются поляковыя церкви, то онѣ располагаются не впереди лагерныхъ линеекъ, а внутри лагеря, на линіи штабъ-офицерскихъ палатокъ. По всей вѣ-

роятности, лагеря эти были расподагаемы по образцовымъ планамъ, утвержденнымъ военною коллегіей въ 1764 году.

Что касается до плановъ произведеннымъ въ кампанентахъ эволюціямъ и маневрамъ, то такихъ сохранилось еще менше, а именно за 1775 годъ только отъ сборныхъ командъ, стоявшихъ подъ Ригю, и отъ нѣкоторыхъ войскъ занимавшихъ Оренбургскій край. Изъ имѣющейся при дѣлѣ переписки видно, что выборъ позицій для кампанентовъ въ этомъ край поручень былъ генераль-аншефомъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, состоявшему при немъ въ помощники, генераль-поручику Суворову (впослѣдствіи славному фельдмаршалу), и что послѣдній представилъ сокращенную тѣмъ мѣстамъ карту съ назначеніемъ на ней воѣхъ лагерныхъ позицій и числа войскъ, каковая карта и была доставлена въ военную коллегію. Въ дѣлахъ, однако, этой карты не оказалось, точно такъ же какъ и плановъ самаго лагернаго расположенія войскъ, занимавшихъ Оренбургскій край. Но затѣмъ уже въ декабрѣ 1775 года представлены были въ военную коллегію отъ командовавшего войсками въ Оренбургскомъ край, генераль-маіора Мансурова, свѣдѣнія о томъ, въ какихъ частяхъ войскъ и какія именно произведены были эволюціи и маневры. Къ донесенію генерала Мансурова приложена и вѣдомость, какія войска доставили планы произведенныхъ маневровъ и какіе пѣтъ, съ означеніемъ причинъ, почему несполнено было предписаніе военной коллегіи. Изъ вѣдомости видно, что въ Оренбургскомъ край находилось: шесть полныхъ кавалерійскихъ полковъ и два неполныхъ, пять пѣхотныхъ полковъ, пять отдѣльныхъ баталіоновъ и двѣ двухротныя отъ пѣхотныхъ полковъ команды. Изъ этихъ частей войскъ производимы были эволюціи и доставлены планы и описанія онымъ отъ двухъ кавалерійскихъ полковъ, трехъ пѣхотныхъ и отъ четырехъ баталіоновъ; отъ одного баталіона (Черноярскаго) сообщено, что хотя эволюціи и были производимы, но, *за неимѣніемъ кому сочинить планъ*, таковой не представляетъ. Отъ остальныхъ частей сообщено, что, за частыми раскомандировками, происходили лишь обыкновенныя ученія, а эволюцій и маневровъ «чинимо» не было. Это вполне объясняется безпокойнымъ положеніемъ въ то время Оренбургскаго края, какъ вслѣдствіе еще недавно усмирившей пугачевщины, такъ и по волненіямъ между киргизами и башкирцами.

Къ сожалѣнію, и изъ числа представленныхъ въ военную коллегію плановъ и описаній маневровъ, не всѣ дошли до насъ; при дѣлѣ сохранились только пять плановъ эволюцій, произведенныхъ

С.—Петербургскимъ карабинернымъ полкомъ, планы эволюцій 2-го гренадерскаго полка, Свияжскаго и Ядринскаго отдѣльныхъ баталіоновъ, одно описаніе, безъ плана, маневра, произведеннаго Великолукскимъ пѣхотнымъ полкомъ, и планъ съ объясненіемъ маневра неизвѣстно кѣмъ произведеннаго, но который, кажется, можно приписать соединенному отряду изъ Оренбургскаго пѣхотнаго баталіона и Изюмскаго гусарскаго полка.

Изъ этихъ плановъ видно, что мѣнѣе всего допускали отступленій въ эволюціяхъ отъ уставныхъ формъ въ кавалеріи; планы эволюцій, произведенныхъ С.—Петербургскимъ карабинернымъ полкомъ, представляютъ тѣ же уставныя экзерциціи съ тѣмъ лишь различіемъ, что каждый разъ они обусловлены какимъ-либо тактическимъ предположеніемъ, въ родѣ переправы черезъ дефиле, отступленія, оборонительнаго марша, съ предположеніемъ, что непріятель можетъ появляться съ фланговъ. Всѣ эти движенія и построенія совершаются однако цѣлымъ полкомъ, безъ всякаго примѣненія къ мѣстности, которая на планахъ эволюціи этого полка и не обозначена.

Гораздо разнообразнѣе видоизмѣненія уставныхъ формъ въ эволюціяхъ пѣхотныхъ частей, доходящія въ нѣкоторыхъ частяхъ даже до крайней оригинальности. Такъ, напримѣръ, 2-й гренадерскій полкъ, совершая переправу впередъ баталіонными, полудивизионными колоннами изъ обонхъ фланговъ баталіоновъ, по переходѣ черезъ мостъ выстраиваетъ впереди переправы флешъ, въ исходящемъ углу которой стоятъ два полковыя орудія подъ прикрытіемъ егерей, а каждый изъ фасовъ образуется цѣльнымъ баталіономъ съ однимъ орудіемъ (*). Самая эволюція состоитъ въ построеніи флеша, въ открытіи, по мѣрѣ построенія, сперва пальбы плутонами (звездами), а потомъ залпами, цѣлыми баталіонами; затѣмъ изъ этого построенія производится отступная переправа, опять таки полудивизионною колоною, изъ которой, пройдя мостъ, снова выстраивается фронтъ съ постепеннымъ открытіемъ пальбы. Дальнѣйшія эволюціи того же полка состояли въ переправѣ по двумъ мостамъ съ построеніемъ фронта направо въ двѣ линіи, изъ которыхъ въ каждой было по одному баталіону съ его артилеріей; затѣмъ построеніе разнаго рода двухбаталіонныхъ каре и развертываніе изъ нихъ фронта. Все это представлялось, конечно, самымъ ничтожнымъ отступленіемъ отъ уставныхъ формъ, дѣлалось на ровной мѣстности и могло служить лишь доказательствомъ маловизобразительности начальника части.

(*) Полки состояли изъ двухъ баталіоновъ, имѣя при каждомъ два легкія орудія и двѣ команды егерей.

Но надо предпологать, по крайней мѣрѣ по живущимся источникамъ, что подобнаго рода эволюціи составляли исключеніе; въ большинствѣ донесеній представляется выполненіе какого-либо маневра съ тактическимъ предположеніемъ, въ которомъ, впрочемъ, почти всегда главную роль играютъ засады и обходы фланговъ непріятеля. Очевидно, что это уроки опыта, вынесеннаго изъ бывшихъ войнъ съ турками, наиболѣе частыми противниками нашихъ войскъ въ прошломъ столѣтіи. Для приѣра подобнаго рода эволюціи полагаемъ небезынтереснымъ привести планъ и описаніе эволюціи, произведенной въ 1775 году Свіяжскимъ полевымъ баталіономъ. Планъ въ подлинникѣ начерченъ красками, въ масштабѣ 50 сажень въ дюймѣ, но на нашемъ чертѣжѣ (№ 1-й) онъ уменьшенъ въ половину, причемъ, по возможности, мы старались передать съ точностію выраженіе знаковъ, употребленныхъ на оригиналѣ. На полѣ плана прописано слѣдующее объясненіе его:

«Планъ производимой эволюціи Свіяжскимъ полевымъ баталіономъ ().*

«А. Баталіонъ изъ четырехъ ротъ, будучи откомандированъ въ партію, передъ вечеремъ подошедъ нечаянно къ такому же непріятельскому отряду, остановился для осмотра положенія мѣста и осторожности непріятельской.

«В. Непріятельскій станъ, который имѣлъ за спиною рѣку и черезъ нее мостъ, а передъ лицомъ тонкое болото, изъ котораго вправо отъ его стана узкій протокъ въ рѣку (впадающій), по извѣстіямъ невязкій (въ грудь человѣку), а влѣво сухое мѣсто отъ рѣки къ болоту (шаговъ на сто), перекопано ровомъ.

«С. Большой бугоръ.

«D. Возвышенное мѣсто, отъ котораго къ рѣкѣ скать и лощина.

«Е. Какъ насталъ вечеръ, откомандирована изъ лучшихъ людей рота и послана низкимъ мѣстомъ, которая, подошедъ къ протоку и скрывшись въ логу, ожидала пушечнаго сигнала.

«F. Съ полночи фронтъ сдѣлаъ движеніе къ атакѣ; двѣ роты вправо, а третья прямо, принимая нѣсколько вправо и построясь сколько можно тихо; на самомъ разсвѣтѣ приблизились къ непріятелю и началась изъ пушекъ пальба, показывая видъ къ устремительному на укрѣпленіе нападенію, чѣмъ бывшіе у протока нѣсколько непріятелей оттолъ и отвлечены.

(*). Исправляя правописаніе, мы сохраняемъ, однако, расположеніе словъ подлинника.

«С. Рота, услышавъ палубу и увидя оставленный неприятелемъ протокъ, при слабомъ закрытіи, перешедъ оный въ бродъ и сорвавъ бывший тутъ пикетъ, впадаетъ въ неприятельскій станъ и обостъ.

«Н. Неприятель, по крѣпкому положенію мѣста, не чая атаки, стоялъ спокойно, а увидя на укрѣпленное мѣсто стремленіе, пришелъ по ночной темнотѣ въ замѣшательство, а какъ усмотрѣлъ, что и лагерь его занять, то оробѣвъ, опрокинулся въ бѣгъ черезъ рѣку по мосту и выдавъ, причѣмъ кони не успѣли уйти, побиты и въ плѣнъ взяты».

Заключеніе маневра, конечно, очень наивно и показывается недѣльное увлеченіе. Самое веденіе эволюціи основано на полной неосмотрительности и небрежности неприятеля; но подобное предположеніе согласно съ тогдашнимъ образомъ веденія войны. Маневръ этотъ замѣчательнъ еще въ томъ отношеніи, что представляетъ примѣръ ночнаго предпріятія; въ приведенномъ описаніи онъ изложенъ, конечно, очень кратко, но надо предполагать, что онъ былъ поучителенъ особенно тѣми подробностями, которыя опущены въ описаніи, но безъ которыхъ вся произведенная эволюція немислима. Долженъ же былъ командиръ баталіона хоть сколько-нибудь обрешгноспцировать мѣстность, избранную имъ для дѣйствій; по всей вѣроятности, онъ ознакомилъ съ нею и съ общими планомъ дѣйствій и всѣхъ командировъ ротъ; можно также предположить, что, при расположеніи баталіона на первоначальной позиціи и затѣмъ при движеніи для атаки неприятельской позиціи, были приняемы кой-какія мѣры охраненія, хотя на полное развитіе этихъ мѣръ нельзя рассчитывать, такъ какъ вообще въ тѣ времена на сторожевую службу не было обращено должнаго вниманія.

Нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній на счетъ того, проходили ли планы произведенныхъ эволюцій черезъ какой-нибудь контроль, были ли они кѣмъ-либо повѣряемы. На приведенномъ нами планѣ эволюціи Свіяжскаго баталіона замѣтны какъ бы поправки карандашемъ, но кѣмъ и когда онѣ сдѣланы, ничего неизвѣстно. Надо полагать, что поправка, отмѣченная на нашемъ планѣ двойнымъ пунктиромъ, сдѣлана въ указаніе того, что, за откомандированіемъ одной роты къ протоку, не было надобности раздроблять остальные три роты.

Планъ маневра Свіяжскаго баталіона начерченъ съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла, имѣетъ масштабъ, натушерованъ красками; по своему исполненію онъ вообще довольно удовлетворителенъ, между тѣмъ

какъ другіе планы далеко не такъ удачны и, по большей части, не нѣютъ даже масштаба. Для образца прилагаемъ еще планъ эволюціи, произведенной Ядринскимъ полковымъ баталіономъ, исполнителемъ котораго, имѣя, вѣроятно, подъ руками лишь двѣ красныя, зеленую и розовую, не стѣсняясь вырасить рѣчку и озера зеленою краскою, а войска показавъ тою же краскою вмѣстѣ съ розовою. Кроме того, на этомъ планѣ и ситуация выражена отчасти штрихами, отчасти же перспективно. Самая эволюція представляетъ довольно сложную задачу, интересную отчасти въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторое понятіе о выставаемыхъ для наблюденія за непріятелемъ пакетахъ; она въ то же время показываетъ, что вообще понятія о веденіи военныхъ дѣйствій были еще въ младенчествѣ. Вотъ объясненіе къ плану (№ 2-й) эволюціи, произведенной Ядринскимъ баталіономъ:

«Баталіонъ, получа свѣдѣніе отъ отъѣзжаго пакета с, который состоялъ изъ регулярныхъ войскъ, что непріятель, стремясь къ нападенію на лагерь, переправляется въ двухъ мѣстахъ *a* и *b*, изъ коихъ его отдѣленій, отъ перваго, авангардъ уже занимаетъ высоту *e*, лежащую близъ лагера, и, разбивъ бывшій тамъ таковой же отъѣзжій пакетъ, отряжаетъ оный баталіонъ двѣ роты *m* и *k*, а съ остальными двумя и съ баталіонною артилеріею остается на мѣстѣ для защиты лагера и, въ разсужденіи выгодной ситуаціи, ожидая отъ отдѣленныхъ частей успѣха.

«Рота *m* раздѣлилась на три части, изъ которыхъ двѣ, скрывъ на удобныхъ мѣстахъ близъ переправы, черезъ рѣчку *n*, третью, послала протавъ непріятеля, который, видя свое превосходство въ силахъ, съ мужествомъ на нее бросился, обратилъ къ ретирадѣ и наступавъ до тѣхъ поръ, какъ уже и другія части роты *H* и *S* изъ-за закрытія открыли огонь и, наравъ съ двухъ сторонъ, его разбили, а самый малый остатокъ взяли въ плѣнъ.

«Въ то же самое время рота *k*, отдѣля отъ себя часть *d* для штурма батареи *e* съ другой стороны возвышенія, сама фальшиво наступала. Отдѣленная часть *d*, имѣвъ выгодный подступъ, приблизилась на выстрѣлъ, открыла огонь; тѣмъ пользовясь и рота съ другихъ сторонъ штурмомъ батарею взяла и, оставъ на оной команду, возвратилась неспѣшно къ лагерю.

«Фронтъ непріятеля *F* уже приблизился къ лагерю, но не успѣлъ имѣть дѣла, будучи приведенъ въ замѣшательство возвращающейся въ лагерь роюю *k*, которая, наравъ на него сзади, привела въ большой безпорядокъ. Въ тотъ же часъ и весь баталіонъ, соединясь съ

отдѣленною ротою *ш*, съ жестокостію наступаютъ на непріятеля, который по многору сопротивленіи побѣжденъ, а баталіонъ съ побѣдою возвращается въ лагерь».

А вотъ еще описаніе маневра, интереснаго въ томъ отношеніи, что онъ исполненъ былъ отрядомъ, состоявшимъ изъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ, а именно: баталіона пѣхоты съ артилеріею и легкоконными войсками. На планѣ маневра не обозначено, какія именно это были части войскъ, но изъ общей вѣдомости плановъ, доставленныхъ отъ войскъ Оренбургскаго Края, надо предполагать, что это былъ Оренбургскій баталіонъ съ своею артилеріею и Ишюлскій гусарскій полкъ, который въ описаніи называется просто «легкими войсками». Маневръ изображенъ на планѣ, начертанномъ очень грубо, чернилами, безъ всякой алюминовки, даже безъ масштаба, но онъ интересенъ потому, что показываетъ очень удачную поддержку одного рода войскъ другимъ, какъ при наступленіи, такъ и при отступательномъ движеніи. Объясненіе маневра помѣщено на полѣ плана (№ 3-й) и заключается въ слѣдующемъ:

«1) Подъ литерою *A* авангардъ изъ егерей, который, перейдя рѣку, расположился въ лѣсу на ея берегу, и отдѣлялъ нѣсколько егерей по сторонамъ и впередъ для прикрытія detachementу безпрепятственной переправы.

«2) Подъ литерою *B* и *C* весь detachementъ, который, переправясь черезъ рѣку, построился подъ прикрытіемъ авангарда (*).

«3) Какъ войска построилась, то авангардъ, раздѣляясь, пошелъ лощиною, чтобы взять непріятеля во флангъ; въ то же время баталіонъ атаковалъ гору предстоящую, а легкія войска потащались вдоль берега по обѣимъ сторонамъ, поровнясь противъ лощины, гдѣ и стали пробираться черезъ дефиле, а пройдя оное, начали преслѣдовать непріятеля, а егери заняли высоты.

«4) Потомъ начали легкія войска ретироваться съвозъ лощину, которую егери проходили, а егери, стоящіе на высотахъ, защищали эту ретираду легкіхъ войскъ; послѣдніе, переправясь черезъ мостъ, построились по обѣимъ сторонамъ онаго на берегу рѣки.

«5) Какъ скоро легкія войска стали приближаться къ переправѣ, то баталіонъ началъ ретироваться къ мосту, перейдя оный поставилъ пушки по обѣимъ сторонамъ моста, а самъ сталъ противъ онаго.

«6) Авангардъ, прикрывая ретираду баталіона, пропустивъ оный,

(*) По условнымъ знакамъ на планѣ видно, что пѣхота стала въ центрѣ, а гусары, или легкія войска, стали по ея флангамъ.

началъ отступать; перейдя рѣку и уничтоживъ мостъ, соединился съ баталіономъ.

«7) Весь detachmentъ отступилъ отъ рѣки и занялъ лагерь на горѣ, какъ то означено подъ литерою *D*».

Нельзя не обратить вниманія на то, что подъ литерою *D* здѣсь показаны земляныя закрытія для орудій, но нѣтъ никакихъ указаній на то, были ли въ дѣйствительности они насыпаемы во время маневровъ и какими средствами. Такъ какъ послѣ первой турецкой войны, съ упраздненіемъ піонернаго баталіона, при арміи фельдмаршала графа Румянцова предписано было въ каждой ротѣ имѣть мастеровыхъ съ разными шанцевымъ инструментомъ, то можно, кажется, допустить, что указанные на планѣ закрытія для орудій были построены и на самой мѣстности, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена вообще къ фортификаціоннымъ постройкамъ имѣли нѣкоторое пристрастіе.

Ознакомивъ съ наиболѣе замѣчательными описаніями эволюцій, произведенныхъ въ кампанентъ 1775 года, считаемъ долгомъ привести и найденный нами образчикъ эволюцій, произведенныхъ двумя эскадрами Шешминскаго драгунскаго полка, въ бытность ихъ въ кампанентѣ подъ Троицкою крѣпостію (на оренбургской линіи) въ 1770 году. Мы умышленно остановились на этой эволюціи послѣ изложенія вышеприведенныхъ нами: планъ эволюціи 1770 года, по своему исполненію, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ вышепомянутыхъ плановъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ носитъ на себѣ явные признаки, что сдѣлавъ не полковыми офицерами, а въ чертежной крѣпостныхъ инженеровъ. Мѣстность выражена весьма отчетливо, возвышенія сдѣланы тушью-отыекою; планъ искусно иллюминированъ. Описание маневра помѣщено на одномъ листѣ съ планомъ и окружено прелестными орнаментами, какими въ тѣ времена любили украшать планы; даже масштабъ (50 сажень въ дюймѣ), въ видѣ линейки, данъ въ руки амура, сидящаго на орнаментахъ.

Красивость плана свидѣтельствуетъ, что онъ представленъ какъ вещь смотровая, а это внушаетъ невольна и нѣкоторое недовѣріе къ изображенному на немъ маневру, тѣмъ болѣе, что самый маневръ представленъ чрезвычайно отчетливо и обстоятельно. Конечно, очень быть можетъ, что мысль маневра принадлежитъ всецѣло подписавшемуся на планъ четко полковнику Михаилу фонъ-Траубенберху, но не слишкомъ рискованно будетъ и предположеніе, что въ составленіи задачи маневра участвовали инженерные чины крѣпости. Известно, что въ то время инженерный корпусъ имѣлъ много офицеровъ

съ военнымъ образованіемъ, такъ что изъ него часто брали офицеровъ для исполненія службы въ штабахъ и по квартирмейстерской части, то есть по части генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ, маневръ двухъ драгунскихъ эскадроновъ, относящійся къ 1770 году, далеко не даетъ точнаго понятія о томъ, на сколько собственно служащіе въ строю въ состояніи были производить самостоятельно подобныя занятія. Это-то и уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ его значеніе, хотя, съ другой стороны, онъ все-таки служитъ очевиднымъ доказательствомъ, какъ практически и логически велось обученіе нашихъ войскъ сто лѣтъ тому назадъ.

На планѣ изображено собственно два маневра: одинъ — производство фуражировки, другой — конвоированіе транспорта; въ обоихъ случаяхъ введено предположеніе, что дѣло происходитъ вблизи непріятеля, который и дѣлаетъ нападеніе. Въ первой задачѣ, фуражировка производится верстахъ въ двухъ отъ лагеря, причемъ отрядъ слѣдуетъ къ мѣсту фуражировки со всеми предосторожностями, выславъ авангардъ и арьергардъ и боковые караулы — послѣдніе нѣ находявшіеся при крѣпости ирегулярныхъ войскъ казаковъ и башкировъ; самая фуражировка производится подъ закрытіемъ двухъ лѣвій мостовъ, или отводныхъ карауловъ, одной отъ драгуновъ, а другой отъ ирегулярной кавалеріи. Получивъ же извѣстіе о приближеніи непріятеля, драгуны строятся, отражаютъ нападеніе, и затѣмъ весь отрядъ прежнимъ порядкомъ возвращается въ лагерь.

Конвоированіе транспорта произведено на разстояніи версты пяти отъ лагеря. Сперва обозъ слѣдуетъ въ одной колоннѣ, нѣтъ по флангамъ, въ головѣ и въ хвостѣ, по полусэскадрону драгуновъ и, сверхъ того, въ арьергардѣ, въ авангардѣ и въ боковыхъ отрядахъ войска ирегулярныя. Съ полученіемъ же извѣщенія о появленіи непріятеля, обозъ, какъ сказано въ описаніи маневра, *строится въ дѣль веревки*, а вѣстѣ съ тѣмъ и драгуны выстраиваютъ фронтъ къ сторонѣ непріятеля, для отраженія его нападенія.

Описанные нами два маневра замѣчательны еще тѣмъ, что, какъ кажется, при ихъ производствѣ непріятель былъ обозначенъ ирегулярными войсками; на это есть только намекъ въ самомъ описаніи маневра, гдѣ говорится въ одномъ мѣстѣ, что *непріятель изъ ирегулярныхъ войскъ, стоящій въ закрытомъ мѣстѣ за горю, а потому, что, при отбытіи непріятеля и преслѣдованіи его, у него взято въ плѣнъ при первой задачѣ 18 человекъ съ начальникомъ, а при второй 26, также съ начальникомъ*. Надо полагать, что это была скачка въ погоню за непріятелемъ, представленнымъ ирегу-

ларниши войсками, причемъ художонные и были захвачены. Такимъ образомъ маневръ можетъ служить свидѣтельствомъ, что, сто лѣтъ тому назадъ, въ пѣшихъ войскахъ производились двухсторонніе маневры малыми отрядами, безспорно долженствовавшіе имѣть немало-важное вліяніе на боевое образованіе нашихъ войскъ.

Надо предполагать, что и послѣ 1775 года выводъ войскъ въ лагеря и производство эволюцій не было оставлено, хотя частыя войны въ царствованіе Екатерины II должны были сильно отвлекать войска отъ мирныхъ занятій. Конечно, пенять на это нечего, потому что въ войнахъ росла боевая опытность нашихъ войскъ. Намъ не встрѣчалось затѣмъ въ архивныхъ дѣлахъ переписки о выводѣ войскъ въ лагеря и о производствѣ эволюцій; но есть свѣдѣнія, удостовѣряющія, что подобнаго рода занятія не только не забывались въ нашихъ войскахъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія, а, напротивъ, получали еще болѣе полное развитіе. Такъ, намъ попались въ архивѣ отдѣльные планы:

1) эволюціямъ, произведеннымъ Бѣлевскимъ пѣхотнымъ полкомъ въ 1780 году, въ лагеря при мѣстечкѣ Веприкѣ (одинъ листъ плана безъ объясненій);

2) эволюціямъ, произведеннымъ Семипалатинскимъ полевымъ баталіономъ въ лагеря 1784 года (тоже одинъ листъ);

3) расположенія лагерей двухъ ротъ Екатеринбургскаго полевого баталіона и эволюцій, произведенныхъ этимъ баталіономъ въ лагеря 1784 года на берегу рѣчки Ушановки (два листа);

4) два плана лагерей на рѣчкѣ Кударѣ: одинъ двумъ ротамъ Екатеринбургскаго полевого баталіона, а другой цѣлому баталіону, безъ означенія года, но по правописанію можно заключить, что они относятся къ концу царствованія императрицы Екатерины II.

Всѣ эти планы сдѣланы довольно искусно, хотя и черчены, очевидно, въ самыхъ частяхъ войскъ, такъ какъ надъ нѣкоторыми сохранились подписи чертившихъ ихъ нижнихъ чиновъ (старшаго сержанта, обознаго, провіантмейстера). Планы эволюцій представляютъ лишь простыя видоизмѣненія уставныхъ формъ, причемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя построеніе, сдѣланное Бѣлевскимъ полкомъ при переправѣ: оно представляетъ цѣлый горнверкъ въ видѣ мостоваго укрѣпленія, въ которомъ длинная куртина составлена изъ цѣлой роты, короткіе фланги и фасаы бастионовъ изъ пѣхотныхъ взводовъ; въ исходящихъ углахъ поставлены полковыя орудія.

Вотъ до какихъ хитростей доходили тогдашніе тактики, желавшіе возможно-болѣе воспроизводить фортификаціонныя начертанія.

Не надо забывать, что это дѣлалось еще подъ воспоминаемъ незадолго передъ тѣмъ отиѣненныхъ рогатокъ, при помощи которыхъ баталіонное каре, съ орудіями на углахъ, превращалось, дѣйствительно, въ близкое подобіе редута, составленнаго изъ живыхъ людей.

Но если въ эволюціяхъ, произведенныхъ Бѣловскимъ полкомъ, мы видимъ желаніе затормозить подвижность войскъ, придавъ имъ какой-то небывалый строй, то въ то же время въ Бнатеринбургскомъ полевомъ баталіонѣ замѣтно стремленіе увеличить подвижность, вводя небывалое до того въ уставахъ построеніе каре и развертываніе его на походѣ. Въ описаніи эволюцій, произведенныхъ этимъ же баталіономъ, встрѣчается описаніе церемоніальнаго марша, какъ заключительнаго акта ученія; но церемоніальный маршъ имѣетъ ту особенность, что онъ заключается въ движеніи сперва повздоно, изъ которыхъ на походѣ выстраиваются полудивизионы, а изъ нихъ на походѣ же каре, которое производитъ разнаго рода пальбу; послѣ чего баталіонъ изъ этого же каре маршируетъ церемоніально полудивизионами, а потомъ опять взводами, изъ которыхъ выстраивается наконецъ развернутый фронтъ. Все это хотя и представляетъ церемонію, но все-таки не лишнюю пальбы и, слѣдовательно, имѣющую нѣкоторое подобіе боеваго упражненія.

Что касается плановъ лагерей, то они небезынтересны въ томъ отношеніи, что на нихъ всегда впереди лагеря, шагахъ въ 50 отъ передней линейки, означено земляное укрѣпленіе въ видѣ флеша, въ которомъ помѣщаются и орудія съ своими ящиками, если таковыя имѣются при части. Для орудій продѣланы амбразуры, а въ горжѣ, для закрытія ящиковъ, земляная насыпь. Надо полагать, что построеніе такой флеша передъ фронтомъ лагеря было принято уже за общее правило, но кто именно строилъ ее, сами ли артиллеристы, или же пѣхота, на это не найдено нами никакихъ указаній.

Замѣчается еще на этихъ планахъ та особенность въ расположеніи обоза, что повозки его, кромѣ казеннаго ящика, палаточныхъ ящиковъ, казначейской фуры и собственныхъ офицерскихъ повозокъ, размѣщены по боковымъ линейкамъ, на обонхъ флангахъ лагеря; затѣмъ собственныя повозки позади офицерскихъ палатокъ, а казначейскія и палаточныя въ серединѣ лагеря, позади барабаннаго намета, т. е. барабанной пирамиды.

Такое расположеніе обоза, вѣроятно, употреблялось на войнѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы, на случай нечаяннаго нападенія, имѣть закрытыя повозками фланги, а съ фронта опорный пунктъ во флеша, за-

нитою артилеріею. Нашимъ войскамъ, въ тогдашнія турецкія войны, такъ часто приходилось встрѣчать укрѣпленные турецкіе лагеря, на которые они производили нечаянныя нападенія, что весьма естественно могло явиться и подражаніе подобнымъ лагерямъ.

Выводъ войскъ на лѣтніе мѣсяцы въ кампанеты и производство, кромѣ обыкновенныхъ ученій, еще особыхъ эволюцій и маневровъ, не были забыты и при преимникахъ Екатерины II, хотя въ этого рода занятіяхъ замѣчается та перемена, что войска собираются въ лагеря все большими и большими массами и отъ небольшихъ отрядныхъ маневровъ переходятъ къ большимъ маневрамъ цѣлыхъ корпусовъ, гдѣ уже теряется частная инициатива мелкихъ начальниковъ, а появляются заблаговременно составленные въ штабахъ стратегическо-тактическія предположенія. Тѣмъ не менѣе, еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, нѣкоторыя части нашихъ войскъ были выводимы въ кампанеты и производили маневры небольшими частями. Въ архивѣ найдены нами планы эволюцій, произведенныхъ, во время кампанета 1797 года, слѣдующими полками:

а) Шесть плановъ двухстороннихъ маневровъ, произведенныхъ Екатеринославскимъ кирасирскимъ полкомъ въ окрестностяхъ Москвы (около Донскаго Монастыря и Воробьевыхъ Горъ), между 12-мъ августа и 30-мъ сентября.

б) Одиннадцать плановъ изъ Софійскаго кирасирскаго полка, стоявшаго близъ Верей (Московской губерніи), въ теченіе всего сентября мѣсяца.

в) Одиннадцать же плановъ изъ Шевича гусарскаго полка, стоявшаго подъ Тулою, съ 28-го августа до послѣднихъ чиселъ сентября.

г) Четыре листа мѣстности въ окрестностяхъ Калуги, гдѣ происходили въ теченіе всего сентября маневры гусарскаго Линденера полка. Только послѣдній планъ имѣетъ масштабъ (100 сажень въ дюймѣ); всѣ же вышепоименованные планы вовсе безъ масштаба. Наиболѣе искусно, и даже изящно, сдѣланы планы Софійскаго кирасирскаго и Шевича гусарскаго полковъ; очевидно черченныя опытными чертежниками; подъ планами сохранились и подписи чертившихъ ихъ, а именно: въ Шевича полку поручикъ Пушнявъ, а въ Софійскомъ кирасирскомъ подполковникъ князь Одоевскій и поручикъ Пустовойтовъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что планы очевидно были снимаемы прямо съ мѣстности, о чемъ свидѣтельствуетъ то, что иногда одна и та же мѣстность выражена въ мелочахъ различно на планахъ принадлежащихъ Одоевскому или Пустовойтову.

Планы Екатеринославскаго кирасирскаго полка черчены майо-

ромъ Аргамаковымъ и являютъ въ немъ плохого чертежника, старающагося объяснять мѣстность болѣе надписями, чѣмъ условными знаками. Наконецъ, планъ окрестностей Калуги представляется особенно удачно исполненнымъ; но онъ испещренъ показаніемъ разныхъ маневровъ, происходившихъ въ теченіе всего сентября мѣсяца, что затемняетъ планъ, такъ какъ къ нему не приложено особой объяснительной легенды, а на самомъ планѣ подписями разъясняется, кто командуетъ каждой частію и съ какою цѣлію производится каждое движеніе. Нельзя не обратить вниманія на этомъ планѣ еще и на то, что въ заголовкѣ его означено, что на немъ показаны лишь пять болѣе значительныхъ маневровъ, *«кромя многихъ маневровъ, какъ фуражированія, конвои, партіи, патрули, амбускады, нападенія на отводные караулы, разсыпныя атаки черезъ кавалерію (вѣроятно сквозныя атаки), атаки во флангъ и спину, которыя производимы были черезъ весь сентябрь мѣсяца»*.

Переходя къ рассмотрѣнію самыхъ маневровъ, изображенныхъ на планахъ, замѣчаемъ, что маневры были всѣ двухсторонніе, для которыхъ поля раздѣлялся на двѣ части, нерѣдко неравныя, причемъ постоянно штабъ-офицеры мѣняются въ командованіи сторонами. Большая часть маневровъ заключается въ томъ, что предварительно каждая сторона выставляетъ свои передовые посты и ведеты, а затѣмъ уже высылаются отдѣльныя партіи съ особыми назначеніемъ, напрямѣръ для развѣдки непріятеля; производятся нападеніе на аванпосты, наступленіе одной изъ сторонъ, засады, иногда наступательныя или оборонительныя переправы, фуражированія, ночныя тревоги и тому подобныя задачи. Выполненіе всѣхъ этихъ задачъ показываетъ, что кавалерія наша въ прошломъ столѣтіи вела чрезвычайно серьезно всѣ тѣ занятія, какія въ послѣднее время установлены инструкціею для лѣтнихъ занятій войскъ петербургскаго военного округа.

Кромѣ названныхъ плановъ, сохранились въ архивѣ два подробныя описанія маневровъ, произведенныхъ въ томъ же 1797 году Баргопольскимъ драгунскимъ полкомъ подъ городомъ Торонцомъ; описанія эти были доставлены, очевидно, въ военную коллегію, но, по всей вѣроятности, безъ плановъ, такъ какъ въ самомъ текстѣ заключается описаніе мѣстности. Оба документа въ высшей степени интересны, какъ по своему содержанію, такъ и по тому, что одинъ изъ нихъ открываетъ намъ новую черту въ тогдашнемъ порядкѣ обученія войскъ: при производствѣ инспекторскихъ смотровъ, лица, инспектировавшія части, удостовѣрялись также и въ томъ, въ какой

степени частію была усвоена полевая служба, для чего производились особые маневры.

Обстоятельство это показывааетъ, какое важное значеніе придавали въ то время полевой службѣ кавалеріи, имѣющей, дѣйствительно, первостепенную важность. Вотъ описаніе движеній Баргопольскаго драгунскаго полка, при показаніи полевой службы въ инспекторскій осмотръ генерала отъ кавалеріи князя Григорія Семеновича Волконскаго, августа 28-го 1797 года:

«Намѣреніе было защищать городъ Торопецъ драгунами и не допускать непріятеля къ самому городу.

«Въ 500 шагахъ отъ города соединялись двѣ проселочныя дороги съ московскою въ лощинѣ, между двухъ непроходимыхъ болотъ, разстояніемъ одно отъ другаго на 150 шаговъ. На этомъ мѣстѣ майоръ Ливенъ защищалъ городъ съ двумя эскадронами, принявъ оба фланга къ болотамъ; болота же окружаютъ съ обѣихъ сторонъ городъ, такъ что идущіе туда необходимо должны слѣдовать черезъ это дефиле.

«Майоръ Ливенъ выслалъ на московскую дорогу отводные караулы: 30 человекъ при поручикѣ въ полверсты отъ себя, но въ виду; изъ этой команды выставленъ пикетъ въ 12 человекъ подъ горою такъ, чтобы оный отъ противной стороны не былъ видѣнъ. Три ведета по два человека заняли на самой высотѣ московскую и обѣ проселочныя дороги, такъ что они за горою всю ситуацию (мѣстность) могли видѣть; двѣнадцать же человекъ были посланы для развѣда за ведетами и, сверхъ того, по правой проселочной дорогѣ выслано было въ партіи до 24 человекъ.

«Распоряженія противной стороны были таковы: шефъ полка, съ тремя эскадронами, хотеть взять городъ и строить ихъ отъ пикетовъ на таломъ закрытомъ мѣстѣ, чтобы противная сторона не могла узнать его силы; впереди выставилъ онъ два пакета по 24 человека съ офицеромъ.

«Пикеты зачали шармуцировать (перестрѣлка фланкерами), оставая всегда половинное число во фронтѣ, и стали тѣснить ведеты противника, такъ что они поравнялись уже съ пикетами.

«Шефъ отрядилъ по три взвода по обѣимъ сторонамъ, дабы съ лѣвой стороны занять непріятеля, а съ правой, дабы, пользуясь закрытою мѣстностію, отрѣзать высланные имъ пикеты и развѣзды, что частію и совершилось. Самъ же, съ однимъ эскадрономъ, тихимъ маршемъ и вытянутымъ фронтомъ (развернутымъ), подвинулся впередъ, дабы обратить на себя вниманіе непріятеля. Когда же взводы,

отраженные въ стороны, вступили въ дѣло съ постомъ маіора Ливена, то послѣвшимъ съ эскадрономъ на подкрѣпленіе. Маіоръ же Ливенъ, увидѣвъ усиленіе непріятеля съ трехъ сторонъ, отрядилъ одинъ эскадронъ къ воротамъ города, дабы занять палисадникъ и шлагбаумы, велѣлъ оный спѣшить и повозками занять выходы; самъ же остался шармуцировать пока могъ, а потомъ вдругъ бросился въ городъ, шлагбаумы спустилъ и повозками загородилъ выходы.

«Шефъ велѣлъ лейбъ-эскадрону спѣшиться и съ онымъ, нестрѣляя, на штыкахъ атаковалъ ворота, которыя сильнымъ огнемъ себя обороняли. Маіоръ же Ливенъ, увиди ворота занятыми, бросился на конь, и ретировался черезъ городъ узкими улицами, будучи стѣсняемъ (преслѣдуемъ) противной стороной.

«Не дошедши до каменнаго города, гдѣ широкая улица, занялъ опять мѣсто (позицію) и съ сильнымъ отпоромъ ретировался черезъ мостъ на островъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы черезъ другой мостъ ретироваться изъ города; вышедши на островъ, выстроился къ настоящей оборонѣ. Но шефъ, перейдя черезъ мостъ, обскакалъ лейбъ-эскадрономъ по берегу острова и успѣлъ прежде занять другой мостъ, чѣмъ маіору Ливену была отрѣзана дальнѣйшая ретирада и онъ на островѣ былъ запертъ».

Что касается до другаго описанія, то оно представляетъ фуражированіе Каргопольскаго драгунскаго полка, учрежденное отъ шефа того полка, но, по болѣзни его, выполненное сентября 29-го маіоромъ Ливеномъ, который, какъ видно, былъ старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку. Вотъ это интересное и нелишнее, даже въ настоящее время, поучительности описаніе:

«Маіоръ Ливенъ, съ отрядомъ въ три эскадрона, стоитъ въ городѣ Торопцѣ и, нуждаясь въ фуражѣ, вынужденъ сдѣлать фуражаровку въ полѣ въ трехъ верстахъ отъ города, за московскими воротами, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ противной партіи. Отъ города, за сказанными воротами, съ обѣихъ сторонъ распространяются непроходимыя для конницы болота, которыя съ полверсты отъ города сближаются на 150 шаговъ; отъ этого мѣста расходятся къ сторонѣ непріятеля три дороги; тамъ, гдѣ фуражировка должна происходить, ширина между болотами около четырехъ верстъ. Въ двухъ верстахъ отъ города мѣстность подымается вверхъ, а потомъ вдругъ спускается въ долину, гдѣ назначено фуражированіе.

«Маіоръ Ливенъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: впереди шелъ по каждой изъ трехъ дорогъ унтеръ-офицеръ съ тремя драгунами, которые должны были открыть непріятеля; за ними, съ полверсты,

по средней дорогѣ, поручикъ съ 24 драгунами, для поддержанія, въ случаѣ нужды, всѣхъ передовыхъ; въ полуверстѣ за онымъ весь отрядъ: впереди одинъ эскадронъ, за нимъ для фуражировки 80 человекъ, у каждаго по двѣ лошади, а затѣмъ послѣдній эскадронъ; арьергардъ не нуженъ былъ, ибо городъ въ тылу и болота закрываютъ оба фланга.

«Большо споро передовые по всѣмъ тремъ дорогамъ поднялись на высоты и лѣвый караулъ или авангардъ далъ знать, что противника невидно, то передовые скакали внизъ въ долину и заняли мѣста, такъ чтобы отъ противника не быть замѣченными.

«Прибывъ же на высоту съ отрядомъ, майоръ Ливень усмотрѣлъ, что непріятель можетъ удобно обойти скрытно его лѣвый флангъ и отрѣзать отъ города; поэтому упомянутый авангардъ съ передовыми послалъ туда, дабы отарыть и занимать тѣ мѣста, гдѣ непріятель, подъ закрытіемъ лѣса и долины, могъ выполнить такое свое намѣреніе; самъ же занялъ мѣсто для фуражированія и приказалъ фуражирамъ примѣрно носить, выстроивъ одинъ эскадронъ впереди фуражировъ шаговъ на 300 къ той сторонѣ, откуда могли ожидать непріятеля. Въ то же время послалъ съ версту впередъ большую партію въ 40 человекъ съ капитаномъ, который отъ себя выслалъ въ полверсты по три драгуна съ унтеръ-офицерами; въ правую же сторону послалъ въ развѣздъ поручикъ съ 24 драгунами, съ наставленіемъ, что когда малевшія непріятельскія кучи съ ними станутъ шармуцировать, то не подпускать ихъ такъ близко, чтобы могли силу ихъ познать, а въ случаѣ, когда непріятель умножится, то дать знать и ретироваться сколь возможно упорнѣе. Когда же будетъ поданъ апелъ, то правому развѣзду тотчасъ соединиться съ отрядомъ, а авангардному развѣзду влѣво оставаться, дабы не пропустить непріятеля.

«Капитанъ Фалетъ, командовавшій противной стороною двумя эскадронами, имѣлъ намѣреніе тревожить фальшивою атакою отрядъ спереди, привлечь туда его вниманіе, для чего послалъ капитана съ двумя офицерами и 60 человекъ, поручивъ имъ растянуться и занимать болѣе мѣста, дабы выказаться сильнѣе, а самъ въ то же время съ прочими хотѣлъ скрытно выйдти въ тылъ майора Ливена, отрѣзать его отъ города и атаковать; тогда и отдѣленный съ фронта капитанъ долженъ былъ показать намѣреніе атаковать. Но осторожности, принятыя майоромъ Ливеномъ, разстроили этотъ планъ: авангардъ съ передовыми на лѣвой сторонѣ отарыли непріятеля, дали знать о его намѣреніи и вступали съ нимъ въ перепалку, а майоръ

Ливенъ тотчасъ велѣлъ фуражиравъ съѣсть на-конь и, оставая пи-кетъ съ правой стороны въ помощь передовымъ, съ эскадронемъ и фуражирами успѣлъ ретироваться и занять за высотами выгодное мѣсто. А какъ капитанъ Фалкъ этого движенія узнать не могъ, потому что перепалка съ фронта съ оставленнымъ имъ капитаномъ продолжалась, то, при обходѣ, думая отрѣзать отрядъ отъ города, вдругъ увидѣлъ себя атакованнымъ; думая, конечно, что атаковавшая его часть есть подкрѣпленіе, и что поэтому непріятель гораздо сильнѣе его, принужденъ былъ самъ ретироваться черезъ лѣсъ; майоръ же Ливенъ преслѣдовалъ его, на удобномъ мѣстѣ атаковалъ въ другой разъ и прогналъ. Увида это, часть непріятели, оставленная съ фронта съ капитаномъ, также ретировалась, а майоръ Ливенъ послалъ эскадронъ преслѣдовать и затѣмъ безпрепятственно совершилъ свою фуражировку.

Къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ вовсе не попадались намъ какія бы то ни было указанія на счетъ того, продолжались ли въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія маневры и эволюціи въ пѣхотѣ, и какъ именно велись они; надо полагать, однако, что если подобныя занятія велись въ кавалеріи, то, по всей вѣроятности, они существовали и въ пѣхотѣ. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить и того, что въ царствованіе императора Павла Петровича, а въ особенности съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I, начинаютъ уже организоваться болѣе значительные сборы войскъ, по преимуществу пѣхоты съ артилерією, и при этихъ-то сборахъ производятся маневры съ предварительно составленными въ штабахъ предположеніями—маневры, въ которыхъ все болѣе и болѣе выступаютъ на первый планъ массы войскъ, цѣлыя баталіоны, полки въ развернутыхъ линіяхъ; въ то же время мѣстность теряетъ постепенно свое значеніе, выскиваются для занятія отряды и ровныя мѣста, а самыя эволюціи утрачиваютъ видъ маневровъ, подражающихъ боевой дѣйствительности, и приобрѣтаютъ характеръ, такъ называемыхъ, линейныхъ учений. Мало по малу тактическія условія вытѣсняются стратегическими: маневры, производимые все большими и большими частями войскъ, утрачиваютъ характеръ подготовительныхъ занятій для войскъ и низшихъ воинскихъ начальниковъ (ротныхъ и эскадронныхъ командировъ) и дѣлаются практикою лишь для генералитета, для штабныхъ чиновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдовавшія вскорѣ послѣ того войны первой имперіи, въ которыхъ на поляхъ сраженій стали развертываться невѣданныя до того массы войскъ, много способствовали

развитію увлеченія большими сборами, большими маневрами. Военно-теоретическія сочиненія Жюмни не остались здѣсь также безъ вреднаго вліянія: стратегическіе планы, бавы, операціонныя, коммуникаціонныя линіи вскрыли всѣмъ голову; всѣ стали толковать объ арміяхъ и корпусахъ, забывая о ротахъ, взводахъ, отдѣленіяхъ. Пришлыя слова пѣсни о гусарахъ нашего партизана-поэта по всей нашей арміи, можно было бы сказать: Жюмни да Жюмни, а объ аванпостахъ ни помысла.... И, дѣйствительно, полевая служба перестала постепенно быть достоинствомъ войскъ: она вполне перешла въ вѣдѣніе генеральнаго штаба, безъ участія котораго рѣдная часть войскъ умѣла охранить свое расположеніе аванпостами, выслать надлежащимъ образомъ разѣзды или патрули.

Когда именно совершился такой переходъ въ дѣлѣ обученія нашихъ войскъ? На этотъ вопросъ нельзя дать вполнѣ точнаго отвѣта; но можно довольно безошибочно указать, что началомъ перелома служить царствованіе императора Павла Петровича, со времени котораго устанавливается болѣе и болѣе строгая регламентація въ занятіяхъ войскъ, а также приобрѣтаютъ значеніе большіе сборы войскъ. Уже въ концѣ девятисятыхъ годовъ прошлаго столѣтія учреждаются лагерные сборы болѣе значительныхъ частей войскъ около Петербурга (у Краснаго Села), близъ Москвы (на Ходынской Поля), близъ Казани (за Суконцею Слободою). Намъ очень мало встрѣчалось свѣдѣній объ этихъ сборахъ; но есть указанія, что, кромѣ обыкновенныхъ ученій по уставу, производились въ этихъ сборахъ и большіе маневры, частію двухсторонніе, но чаще, какъ кажется, односторонніе. Такъ, еще въ 1797 году начались съемки въ окрестностяхъ Краснаго Села для имѣющихъ быть тамъ маневровъ (*); самыя маневры предполагалось произвести въ 1800 году, но только въ 1803 году они, дѣйствительно, состоялись въ окрестностяхъ Краснаго Села, а въ 1804 и въ окрестностяхъ Петергофа. Замѣчательно, что маневрамъ этимъ предшествуютъ предварительныя съемки той мѣстности, на которой должны были дѣйствовать войска; съемки производятся уже не войсками, а офицерами квартирмейстерской части (генеральнаго штаба), которые, въ прежнее время, въ царствованіе императрицы Екатерины, вовсе не вѣдывались въ этого рода занятія войскъ. Вообще для маневровъ планы чертятся офицерами квартирмейстерской части и колониальными по всѣмъ правиламъ чертежнаго искуства. Такъ, между прочимъ, въ архивныхъ дѣлахъ намъ случайно попались два плана

(*) Bernhardi „Denkwürdigkeiten aus den Leben des Gr. von Toll.“

части города Казани съ оружіемъ его мѣстоположеніемъ, избран-нымъ для маневровъ 1798 года: планы эти черчены колововожатымъ, фамилія котораго подписана крайне неразборчиво. На нихъ нанесены и маневры собранныхъ подъ Казанью одиннадцати баталіоновъ пѣхоты, съ объясненіемъ самаго маневра. Оба маневра односторонніе, происходятъ на одной и той же мѣстности, и вся разница между ними заключается лишь въ томъ, что, въ одномъ случаѣ, всѣ одиннадцать баталіоновъ построены въ одну линію развернутаго строя, а въ другомъ въ двѣ линіи, производя затѣмъ наступленія и отступленія то всей линіи, то въ шахматномъ порядкѣ (а-ле-шикье), стрѣляя то взводами, то залпами побаталіонно. При одномъ изъ этихъ маневровъ введено и дѣйствіе противъ фланговъ предполагаемаго непріятели, для чего вторая линія выводится изъ-за фланга первой и становится перпендикулярно къ ней; въ интервалахъ между баталіонами помѣщается и полковая артилерія. Кроме того, впередъ высылается общій авангардъ, въ составъ котораго входитъ, на основаніи устава 1797 года, по одному ряду отъ всѣхъ взводовъ и четыре орудія, подъ командою особаго штабъ-офицера; во время самаго маневра авангардъ дѣйствуетъ какъ особый отрядъ на флангѣ главныхъ силъ. Принимаются ли этимъ авангардомъ какія-либо мѣры охраненія войскъ, или для узнанія мѣстности, объ этомъ ничего не упоминается въ описаніи маневра; не видно того и на планѣ. Вѣрнѣе всего эти маневры было бы назвать прототипами линейныхъ учевій, получившихъ столь большое значеніе въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Выводились ли войска въ послѣдніе годы прѣшедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ кампаненты мелкими частями и требовались ли отъ нихъ занятія полевой службою и вообще производство маневровъ — на это, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ угазаній; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, на подобный вопросъ скорѣе можно дать отрицательный, чѣмъ положительный отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе можно предположить, что мѣстами, при сборахъ войскъ, производились, по старымъ преданіямъ, маневры съ примѣненіемъ къ мѣстности и съ отбываніемъ полевой службы, хотя подобныя занятія были уже вполне случайностію и зависѣли единственно отъ личности руководившаго ими начальника. На эту мысль невольно наводитъ найденная въ архивныхъ дѣлахъ «карта изображенія дѣйствія въ маневрахъ двухъ корпусовъ, составленныхъ изъ войскъ оренбургской инспекціи, подъ начальствомъ инспектора генерала отъ кавалеріи князя Волконскаго, при Оренбургѣ, въ августъ 1804 года». Карта эта,

начерченная въ масштабѣ 500 саж. въ дюймѣ, весьма изящна, чиста и отчетлива; по всей вѣроятности, она сдѣлана въ инженерной командѣ Оренбургской крѣпости, хотя и не подписано кто чертилъ ее. Объясненіе маневра помѣщено на полѣ карты, а всѣ войска и ихъ движенія, до мельчайшихъ подробностей, нанесены на картѣ. Предположеніе маневра состоитъ въ слѣдующемъ:

Непріятельская армія овладѣла правымъ флангомъ оренбургской линіи и ближайшею къ Оренбургу Чернорѣченскою крѣпостью; желая овладѣть самымъ Оренбургомъ, отдѣлила для этого отъ себя корпусъ войскъ, состоящій подъ командою генераль-маіора Акулова, изъ трехъ баталіоновъ Рыльского мушкетерскаго полка, отъ которыхъ отобрано въ особую команду 120 стрѣлковъ, раздѣленныхъ на три отдѣленія; далѣе шесть орудій линейной-резервной артилеріи, три сотни 2-го Тештарскаго полка, двѣ сотни Оренбургскаго казачьяго и сотни калмыцкаго Ставропольскаго полка.

Самый же Оренбургъ прикрываетъ особый корпусъ подъ командою генераль-маіора Цыбульского, состоящій изъ трехъ баталіоновъ Уфимскаго мушкетерскаго полка, отъ которыхъ также отдѣлена команда въ 120 стрѣлковъ, шесть орудій резервной артилеріи, двѣ сотни 2-го Тештарскаго полка, три сотни оренбургскихъ казаковъ и одна сотня калмыковъ.

Сверхъ этихъ двухъ корпусовъ имѣлся еще въ непосредственномъ распоряженіи генераль-инспектора особый летучій отрядъ (корволацъ), составленный изъ 200 конныхъ, который, какъ сказано въ описаніи, употреблялся *въ разныхъ случаяхъ для нападенія на аванпосты и въ другихъ шаражціяхъ*. Нельзя не признать, что употребленіе при маневрахъ подобнаго летучаго отряда, состоящаго въ непосредственномъ распоряженіи руководителя или посредника, можетъ съ пользою служить для внесенія въ маневръ разныхъ случайностей, которыя услаять интересъ и поучительность занятій.

Самый маневръ состоитъ собственно изъ трехъ эпизодовъ: въ началѣ оренбургскій отрядъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣчки Сакмары, охраняя переходы черезъ эту рѣчку, а противникъ сдѣлалъ фальшивую попытку къ овладѣнію переправою съ фронта, подымается вверхъ по Сакмарѣ и переходитъ на ея лѣвый берегъ верстахъ въ 12 отъ расположенія оренбургскаго отряда. Второй эпизодъ заключается въ перемѣнѣ позиціи этого послѣдняго отряда, соответственно новому пути наступленія непріятеля, и въ атаку этой позиціи; въ результатъ атаки то, что оренбургскій отрядъ отброшенъ къ крѣпости и, подъ ея выстрѣлами, занимаетъ послѣднюю сильную по-

звѣцію. Третій эпизодъ составляетъ атака этой позиціи, причемъ обороняющійся, благодаря поддержанію вышедшему изъ крѣпости и присоединенному къ нему коръ-волану, отбрасываетъ противника отъ крѣпости и преслѣдуетъ его.

Заданіе для маневра, какъ видно, составлено очень удачно и представляетъ много поучительности, особенно если принять во вниманіе, что, съ каждою переменною положенія обѣихъ сторонъ, измѣнялось и положеніе ихъ передовыхъ постовъ, и что вообще при маневрѣ не было упускаемо изъ виду исполненія всѣхъ требованій полевой службы.

Но подобное веденіе маневра было, какъ сказано выше, чистою случайностію, между тѣмъ какъ, въ общемъ смыслѣ, въ обученіи войскъ преобладало уже обученіе цѣлыхъ массъ, или, такъ называемыя, линейныя ученія, которыя и составляютъ главную характеристическую черту въ дѣлѣ обученія нашихъ войскъ во всю первую половину нынѣшняго столѣтія. Оно было оставлено лишь послѣ уроковъ восточной войны, или, вѣрнѣе говоря, даже въ болѣе близкое къ намъ время.

Какъ ни кратко изложеніе системы обученія войскъ, существовавшей въ нашей арміи въ прошломъ столѣтіи, какъ ни отрывочны и бѣдны найденныя нами по этому предмету свѣдѣнія, однако изъ нихъ можно убѣдиться, что въ основѣ обученія войскъ екатеринскаго періода лежали вѣрныя идеи, близко подходящія къ тѣмъ, которыя стали распространяться въ послѣднее время. Предписывая ежегодный выводъ войскъ въ кампаненты, производство эволюцій и маневровъ, возлагая на инспекторовъ войскъ обязанность провѣрять знаніе войсками полевой службы, военная коллегія имѣла, конечно, въ виду дать обученію войскъ направленіе, возможно болѣе близкое къ той дѣйствительности, въ которой войска бывають на войнѣ. Выполненіе въ подробностяхъ этой основной идеи было предоставляемо частнымъ начальникамъ, собственная инициатива которыхъ въ то время имѣла чрезвычайно большое значеніе. Не только въ дѣлѣ обученія, но даже и въ обмундированіи нижнихъ чиновъ начальники частей позволяли себѣ постоянно дѣлать отступленія по своему произволу, такъ что даже въ инструкціяхъ полковникамъ пѣшого и коннаго полковъ подтверждается, чтобы отнюдь не были допускаемы въ формахъ одежды никакія украшенія, прибавки и убавки. И въ дѣлѣ обученія войскъ начальники войскъ не стѣснялись уставами, изданными въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II,

и, какъ видно, между прочимъ, въ жалобѣ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, высказанныхъ имъ императрицѣ въ 1770 году, обученіе войскъ велось совершенно разнообразно, почему, какъ пишетъ фельдмаршалъ, «если полки бываютъ хороши, то отъ полковниковъ, т. е. отъ особъ, а не отъ устава, какъ бы имъ быть должно» (*).

Приведенные нами примѣры эволюцій въ кампанентахъ, показываютъ, что хотя дѣло обученія войскъ въ прошломъ столѣтіи и было предоставляемо вполнѣ частнымъ начальникамъ, безъ всякаго стѣсненія ихъ какими бы то ни было инструкціями, но тѣмъ не менѣе дѣло велось во многихъ случаяхъ въ высшей степени разумно. То, что извѣстно объ обученіи войскъ великимъ Суворовымъ, еще болѣе убѣждаетъ въ справедливости этого факта. Но, къ сожалѣнію, именно то, что дѣлалось у насъ, впоследствии времени было совершенно отодвинуто на второй планъ, даже забыто и замѣнено заимствованіями отъ западной Европы; въ заимствованіяхъ же мы постоянно опаздывали, а, главное, приходилось идти не путемъ постепеннаго совершенствованія и развитія своихъ собственныхъ учрежденій, а скачками, отиѣняя сегодня то, что признавалось вчера полезнымъ. Отсюда и равнодушіе къ историческому изученію своего прошедшаго, результатомъ чего, въ свою очередь, является бѣдность разработки нашихъ военно-историческихъ матеріаловъ, все болѣе и болѣе уничтожающихся въ пыли архивовъ, и скудость малейшей военной литературы именно произведеніями, относящимися къ славному прошедшему нашей арміи. Дѣйствительно, не только наши военныя учрежденія, но даже и большинство нашихъ знаменитыхъ военныхъ дѣятелей не имѣютъ еще историковъ. Между тѣмъ какъ въ литературѣ западной Европы встрѣчаемъ цѣлыя томы историческихъ изслѣдованій жизни отдѣльныхъ частей войскъ и разныхъ, нерѣдко второсюженныхъ, военныхъ дѣятелей, у насъ до сихъ поръ нѣтъ полныхъ и удовлетворительныхъ біографій такихъ замѣчательныхъ на военномъ поприщѣ личностей, какими были Петръ Великій, Суворовъ, Потемкинъ (какъ администраторъ), Румянцевъ и множество другихъ.

Что историческія изслѣдованія нашихъ прежнихъ военныхъ учрежденій могутъ и нынѣ принести несомнѣнную пользу, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и въ видѣ новаго доказательства тому мы можемъ указать на прилагаемую инструкцію ротнымъ командирамъ,

(*) Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. въ кн. II 1865 года „Чтеній въ обществѣ исторіи.“

данную въ 1774 году командиромъ 1-го гренадерскаго полка полковникомъ графомъ Воронцовымъ. Инструкція эта столь интересна и поучительна даже въ настоящее время, что мы полагаемъ излишнимъ присовокуплять къ ней какія-либо толкованія. Она найдена нами, опять-таки совершенно случайно, въ московскомъ отдѣлѣ архива главнаго штаба, между бумагами фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова и, сколько помнится, до сихъ поръ не была извѣстна въ печати. Составитель инструкціи, графъ Семень Романовичъ Воронцовъ, бывшій съ 1783 по 1806 годъ полномочнымъ министромъ въ Англіи, принадлежалъ, конечно, къ числу передовыхъ людей знаменитаго екатерининскаго вѣка; но нельзя не замѣтить, что большинство идей, высказанныхъ и развитыхъ имъ въ инструкціи ротнымъ командиромъ, принадлежали не исключительно только ему одному, а составляли до нѣкоторой степени сущность тогдашнихъ уставовъ. Такъ, въ полковничью инструкцію 1764 года включены многія въ высшей степени гуманныя и логичныя указанія относительно обученія рекрутовъ, сохраненія солдатами чистоты и опрятности, ухода за больными и т. п. Въ ряду полковыхъ и ротныхъ командировъ екатерининскаго времени можно встрѣтить множество лицъ, которыя къ концу царствованія императрицы и при ея первыхъ преемникахъ достигаютъ высшихъ военныхъ званій, и потому не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ условія, при которыхъ они проходили нисшія должности военной іерархіи, должны были оказать могущественное вліяніе и на слѣдующія поколѣнія, такъ сказать воспитывавшіяся подъ ихъ руководствомъ. Неудивительно, если люди, воспитанные на такихъ узаконеніяхъ, каковы были обѣ полковничьи инструкціи 1764 и 1766 годовъ, при постановкѣ полевыхъ занятій войскъ на тѣхъ основаніяхъ, какія можно вывести изъ вышеприведенныхъ нами образцовъ, при существованіи, хотя бы и въ видѣ исключеній, инструкцій подобныхъ данной ротнымъ командиромъ графомъ Воронцовымъ въ 1774 году — неудивительно, говоримъ, если подобные люди могли безъ труда усвоить себѣ вѣрный взглядъ на обученіе войскъ и вообще на военное дѣло и содѣйствовать упроченію военной славы Россіи.

Н. Глиноецкія.